

Ирина Озёрная

Цирк навсегда

Фрагмент из книги «Юрий Олеша»*

Из «Метаморфоз» Овидия, прочитанных на латинском Ю. К. в третьем классе, он узнал, что по античному преданию циркуль (от лат. *circulum*) был изобретен гениальным учеником и племянником первого воздухоплателя Дедала – двенадцатилетним Талосом. А с помощью циркуля была вычерчена совершеннейшая из геометрических фигур, символизирующая бесконечность, – круг, на латинском – *circus*. И именно такое название получило древнеримское архитектурное сооружение круглой формы с песчаной ареной посередине, предназначенное для состязаний колесниц, разнообразных спортивных соревнований, боев гладиаторов и прочих народных зрелищ. После распада Римской империи цирки долго не приживались в Европе и начали укореняться там – уже современного типа с эксцентричными представлениями профессионалов – только с конца XVIII века, а во второй половине XIX появились в России. И в 1894 году в Одессе, пышно отмечавшей свое столетие, торжественно открылся необычайной архитектуры стационарный цирк. Здание в форме двенадцатиугольника, с большим двойным железным куполом раскинулось между Коблевской и Садовой, в двух шагах от Рижельевской гимназии. И, начиная с 1909 года, Ю. К. в течение девяти лет учебы будет неизменно находиться рядом с главным праздником своего детства и юности. «Цирк в детстве произвел на меня колоссальное впечатление, – рассказывал он. – Мне иногда хочется сказать, что желтая арена цирка это и есть дно моей жизни. Именно так – дно

* Книга «Юрий Олеша» готовится для серии «ЖЗЛ» в издательстве «Молодая гвардия».

жизни, потому что, глядя в прошлое, в глубину, я наиболее отчетливо вижу этот желтый круг с рассыпавшимися по нему фигурками людей и животных в алом бархате, в блестках, в перьях и наиболее отчетливо слышу стреляющий звук бича, о котором мне приятно знать, что он называется шамбарьер, а также крик клоуна: «Здравствуй, Макс!» – и ответ на него: «Здравствуй, Август!...»**

Билет в цирк для гимназистов стоил тогда полтинник. Это были для мальчика огромные деньги, а цирк, мимо афиш которого Ю. К. проходил дважды в день, всякий раз зазывно окликал его, искушал и тянул, тянул в свой волшебный круг. Мальчик готов был проводить в нем все свое свободное время, проблема заключалась в деньгах на билет. И маленький Ю. К., жертвуя школьными завтраками, откладывал предназначенные для них монетки на билеты в цирк.

«На завтрак мне давали пять копеек. Это мало, но не так уж мало, поскольку на эту сумму можно было купить, скажем, бублик, яблоко и стакан чаю. Или котлету, на которую уходила, впрочем, вся сумма <...>

Разумеется, это было мало – пять копеек. Мало потому, что начинало хотеться есть к первой перемене <...>

И вот чаще всего я не тратил своих пяти копеек на завтрак. Я их откладывал, чтобы к концу недели иметь тридцать копеек. К этим тридцати копейкам еще с большим трудом добывались двадцать, и в субботу я шел в цирк, купив билет, который для гимназистов стоил пятьдесят копеек. Как добывались недостающие двадцать – это тема для другого рассказа. Замечу только, что у меня была бабушка, у которой было много серебряной монеты и которая меня любила. Однажды на именины она даже подарила мне золотые пять рублей, маленькое солнце которых, выглядывавшее из-за коричневых складок кошелька, я тоже никогда не забуду, как не забуду и бабушки, лежавшей в гробу, как в легкой лодке».

Цирк был огромной отрадой маленького Ю. К., лекарством от неурядиц и страхов, праздничным миром отваги, игры, света и веселья, миром смельчаков-виртуозов, каких-то очень близких ему невзрослых взрослых. Здесь не было ни поучительства,

** Эта и другие цитаты Ю.К. Олеши, кроме поясненных в сносках или авторском тексте, приводятся по его «Книге прощания» и «Ни дня без строчки».



Олеша с Вандой. Начало 1900-х

ни занудства, ни какой другой взрослой скуки, не было ни зимы, ни осени, а было вечное лето. «Жизнь – это вечное лето», – надеялся он в детстве и всегда находил его в цирке с его не меркнувшим солнцем софитов и счастливым ликованием всегдашнего детства. Цирк был его свободой и счастьем!

«Есть день, – вспоминал он, – который уже стоит на всех улицах, в переулках, даже в парадных, когда я выхожу из дому, – белый, грязноватый день в ноябре, исчерченный ветками, но чем-то приятный. Не тем ли, что на афише нарисован клоун и что он – суббота, оканчивающаяся цирком?»

И часто по дороге в гимназию таким вот ранним и тусклым субботним утром у мальчика возникали фантазии, приобщавшие его к миру, совершенно противоположному тому тоскливому обывательскому миру, в котором ему приходилось жить с воскресенья по пятницу. Двери в цирк были для него той самой незабываемой «зеленой калиткой» из рассказа Уэллса. «У него есть рассказ («Зеленая калитка»), – писал Ю. К. в конце 1950-х, – о человеке, который однажды, в детстве, открыв некую встретившуюся ему по пути зеленую калитку, очутился в неизъяснимо прекрасном саду, где

на цветущей лужайке играла мячом пантера... Хотя произошло это в далеком детстве, на заре жизни, но воспоминание о чудесном саде настолько завладело душой героя, что вот идут годы, а он все ищет зеленую калитку. Теперь он уже зрелый, достигший высокого положения человек <...> но лучшее, к чему постоянно возвращается его душа, – это мечта отыскать калитку».

Итак, в очередной холодный осенний или зимний субботний вечер – здание цирка чаще всего виделось в воспоминаниях Ю. К. сквозь падающий снег – дверь (его «зеленая калитка») в тот фантастический мир распахивалась перед ним, и он гордо предъявлял свой билет.

«Я приобрел этот билет путем непосредственной затраты сил, физических и душевных, – рассказывал он, – ждал в очереди, верил, что дождусь, вдруг терял веру... Я честно добился его, этого листка тонкой бумаги с лиловым штемпелем!

Вот он у меня в руках. Да, тонкая, почти просвечивающая желтоватая бумага, да, лиловый штемпель... Но это право попасть в этот плюшевый рай, в этот рай мрамора, ступеней, золота, матовых ламп, арок, коридорчиков, эха, хохота, блестящих глаз, запаха духов, стука каблуков – мало ли чего!»

И никто не знал, что восхищение цирком давно уже переплелось у мальчика с его мечтой о славе. И так как в те отроческие годы мечта о писательском будущем еще не проявилась в нем, он решил стать знаменитым цирковым актером, причем именно прыгуном.

«...Уметь делать сальто-мортале было предметом моих мечтаний, – вспоминал писатель. – Я пытался научиться этому в гимнастическом зале гимназии <...> Однако ничего не получилось, поскольку отсутствовали соответствующие приспособления <...> Я и не знал, что требуются приспособления, относя этот фантастический прыжок к каким-то таинственным возможностям, заключенным в некоторых людях. Я им завидовал, этим людям. Я их видел в цирке – мальчиков, девочек в белых башмаках, толпу детей, выбегавшую из малиновых ворот кулис на арену и чуть не с хохотом проделывавших передо мной то, что я не мог бы проделать даже в самом необыкновенном сновидении.

Я, между прочим, и теперь иногда сообщаю знакомым, что в детстве умел делать сальто-мортале. Мне верят, и я, вообще не любящий врать, рассказываю даже подробности.

Может быть, эта мечта уметь делать сальто-мортале и была во мне первым движением именно художника, первым проявлением того, что мое внимание направлено в сторону вымысла, в сторону создания нового, необычного, в сторону яркости, красоты».

Он уже чувствовал себя внутри этого блестящего великолепием манежного братства, благодаря которому с малолетства сумел постичь великую силу искусства, способную творить чудеса. Уже тогда он интуитивно ощутил свою причастность к нему, свой талант и артистичность во всем. И впервые это ощущение появилось у него именно в цирке. «Кому бы ни принадлежали ноги в трико, кто бы ни был обсыпан по бархату золотыми блестками, на чьем лице ни играла бы застывшая малиновая улыбка – все это говорило о том, что в мире есть какая-то великая тайна, которую я скоро постигну, ради которой живу», – вспоминал он.

Это отождествление себя с виртуозной актерской братией придавало ему уверенность и силу. Он переставал видеть себя некрасивым, жалким малокровным заморышем. Цирк одаривал его, как Гея-Земля Антея, огромной мощью и энергией. И тогда его, маленького гимназиста, охватывала великая гордость:

«Стоит вспомнить, как горды мы в юности. Эта гордость основана на сознании своей красоты и силы – если вы даже и не красивы, и не сильны! Да, да, красоты и силы, так как молодость по существу красива и сильна. Может быть, потому именно, что предчувствуешь все же, что кто-то прильнет к тебе – только к тебе, отдастся тебе, полюбит тебя!

Пожалуй, гордость – одно из главных переживаний юности... Я помню себя очень гордым – в серой шинели гимназиста, у которой черный каракулевый воротник, с лицом, которое пышет, с бровями, мягкость которых я сам ощущаю, – поистине соболиные брови мальчика!»

С 4 декабря 1912 года в Одессе стала выходить ежедневная детская газета «Гудок», «воспитательно-нравственная, духовно и художественно-литературная». За четвероклассником, круглым отличником тринадцатилетним Ю. К. к этому времени уже прочно закрепилась слава вундеркинда. Потому его охватила ревность, когда он развернул первый номер детской газеты и прочитал о другом вундеркинде, да еще ставшем главной сенсацией текущего циркового сезона – о семилетнем «чу-

до-мальчике» Володе Зубричком: «Я сам был, черт возьми, чудо-мальчик <...> и существование какого-то чудо-мальчика вывело меня из равновесия», – признавался он. И это запомнившееся на всю жизнь ощущение яркой картинкой отразилось в «Зависти», где маленького гимназиста Ивана Бабичева, привыкшего во всем считаться первым, обожгла подобная вспышка ревности по поводу прекрасной девочки в розовом платье, верховодившей на елочном балу. Да, Иван, подобно маленькому Ю. К., «тоже привык к восторгам <...> тоже был избалован поклонением».



Рисунок Ю.К. Олеши «Канат». 1950-е

Зная, что в цирк Ю. К. тогда ходил по субботам, можно предположить: номер Володи Зубрицкого он впервые увидел 8 декабря. Кстати, газеты сообщают, что билеты для гимназистов в этом сезоне стоили уже не пятьдесят, а семьдесят пять копеек, а значит, Ю. К. приходилось прикладывать значительно больше усилий для раздобывания денег. Правда, в это время мальчик уже начал подрабатывать репетиторством, с чем будут связаны все его последующие гимназические годы.

Очевидно, выступление Володи Зубрицкого произвело на Ю. К. сильное впечатление, пронесенное через всю жизнь. Писатель намеревался когда-нибудь превратить его в рассказ, который, можно считать, начал в конце 1950-х, разминая, по своему обыкновению, тему в дневнике:

«Рассказ, который я обязан написать и который собираюсь написать уже много лет, следует начать с описания шедшего в тот вечер снега.

Это был особый снег, особый его сорт – я назвал бы его филигранным, тот сорт, когда образуются снежинки в виде крохотных

изделий, совершенно, разумеется, бесполезных, тем не менее абсолютно точных – неких концентрических восьмиугольников, неких разносторонних крестов с вылетающими из углов лучами, неких звезд с поперечными перекладинами на каждом луче... Эти тельца, зацепленные вами на ходу, не разрушаются, хоть и феноменально легки: наоборот, долго висят на реснице, поддевшись на нее, скажем, крайним восьмиугольником, – и вам приходится долго моргать, чтобы свалить эту мохнатую махину, да и то, упав, скажем, на рукав, она все еще сохраняет некоторую форму. В самом деле, уж как, казалось бы, легка, а, пролетая между фонарем и освещенной стеной, бросает тень, в которой вы находите сходство даже с облачком».

И после описания этой снежной эквилибристики, явившейся словно из какого-то диковинного предрождественского представления, Ю. К. вновь тринадцатилетним гимназистом подходил к цирку:

«Освещенная стена, афиша... Я прочитываю все те слова, которые сейчас, через десять минут, как только войдут в полную силу света висящие над ареной лампы, превратятся в клоунов, в мандолины, в маленьких собачек, в бубенчики, в лошадей, в узкие тела, летающие между трапециями. Вот только во что превратится Володя Зубрицкий, я не могу себе представить.

«Володя Зубрицкий, – написано на афише, – чудо-мальчик» <...>

Чудо-мальчик! Что это такое? Ладно, посмотрим.

И вот, изучив афишу, он входит в цирк, предварительно освободившись от облепивших его с фуражки до ботинок сотен тысяч снежинок, уже утративших свою волшебность, хрупкость и красоту. Вот он находит указанное в билете место, садится, оркестр громозвучным маршем гасит суету в рядах, и парадом-алле начинается представление. Наконец, инспектор манежа торжественно объявляет номер, являвшийся «гвоздем сезона»: «Чудо-мальчик!»

Ю. К. подробно описал выход Володи Зубрицкого:

«На арену вынесли большую грифельную доску – поменьше, чем в гимназии, однако в хорошем четырехугольнике и на подставке и с тряпкой в меловой пыли на нижнем ребре <...>

Чудо-мальчик пошел по песку арены, чуть утопая в нем атласными белыми башмаками. Почти рядом с ним, немного отставая, шел студент в черной тужурке, в пенсне, с усами и с бородой.

Чудо-мальчик сейчас был просто довольно полным мальчиком, блондином с челкой, и не только в белых атласных башмаках, но и в таком костюме – матросском, только в коротких штанах и с воротником не синим, как у матросов, а с розовым, тоже атласным, и розовым якорем на рукаве».

На этом, увы, воспоминание о сенсационном мальчике обрывается. Но в силу колоссального впечатления, произведенного им на Ю. К., Одессу и всю Россию, просто необходимо подробнее рассказать о нелегкой судьбе Володи Зубрицкого.

Во время его одесских гастролей все газеты, не скупясь на пафетику, относили ребенка «к числу величайших феноменов последнего столетия». Так что не только детская газета «Гудок» ежедневно украшала себя первополосной рекламой с крупно набранным именем «чудо-мальчика» и через номер печатала материалы разных журналистов о нем. Но нам здесь интересна именно заметка, опубликованная в ней 7 декабря 1912 года (№ 4), так как вряд ли Ю. К., регулярно читавший «Гудок», мог пропустить этот текст (приводится в сокращении):

«Володя Зубрицкий

Первая гастроль феноменального ребенка привлекла вчера в цирк Малевича массу публики. На первых местах публики обращают на себя внимание профессора, врачи, педагоги и журналисты.

Володя дает всем генеральное «сражение», он, шутя, делает в уме вычисления на все 4 действия, производит умножение на сотни тысяч и удерживает в памяти сотни цифр, и производит над ними угодные комбинации. В хронологии истории (по учебнику Елпатьевского) Володя Зубрицкий показал поразительные познания. Когда кто-нибудь называл событие, ребенок моментально указывал дату и, наоборот, на дату называлось событие. Когда называли какую-нибудь дату, Зубрицкий немедленно называл день.

В качестве жюри на эстраду цирка были приглашены 6 человек из публики – врачи и педагоги. По предложению жюри студент, воспитатель Володи, предложил ему помножить 7983 на 379. Не прошло и 2-х минут, как Володя кричит: «Готово!» –

и объявляет результат 3 025 557. Публика и жюри приветствуют Володю шумными аплодисментами. Трех- и четырехзначные числа Володя решил на несколько секунд раньше, чем члены жюри успели сделать это на бумаге».

Любопытно, о чем именно собирался рассказать Ю. К., вспоминая гениального мальчика? Скорее всего, писателю не были известны перипетии его непростой судьбы. Почувствовал ли тринадцатилетний «чудо-мальчик» Ю. К., что его знаменитый конкурент, с виду совсем обычный, благополучный и послушный ребенок, на самом деле, как и он сам, затаенный бунтарь, восстававший против родительских устоев и воли? И уж точно не мог себе представить того, что Володя Зубрицкий всей душой ненавидел цирк. Они во многом были похожи, различаясь тем, что Ю. К. обожал цирк, наблюдая его с парадной стороны, а Володя Зубрицкий почти с пеленок постиг неприглядную изнанку манежного закулисья.

Итак, приоткроем завесу и расскажем о том, чего не мог знать Ю. К., глядя на циркового «чудо-мальчика» с праздничной стороны манежа.

Владимир Степанович Зубрицкий (1904-1998), будучи сыном акробата-вольтижера и танцовщицы на проволоке, с пятилетнего возраста выступал с отцом и братом в акробатическом номере. Этот «гуттаперчивый мальчик» умел делать по десять задних сальто подряд, стойку на одной руке, поднимать тяжелые гири и многое другое. Но однажды отец сорвался с трапеции, покалечился, и его артистическая карьера закончилась. Но к этому времени он уже знал, что Володя обладает феноменальной памятью и необычайно быстро считает в уме. С помощью нанятого репетитора семилетнему мальчику был создан уникальный номер, называвшийся попеременно то «Живая счетная машина», то «Чудеса памяти», то «Чудо-мальчик» и, начиная с 1912 года, покоривший многие города России. Известный московский невропатолог Г.И. Россолимо, исследовавший Володю Зубрицкого, отметил его «специфическую зрительную и слуховую память», встречавшуюся очень редко, и, тревожась о здоровье ребенка, настоятельно советовал прекратить его выступления. По слухам, даже граф Витте предлагал отцу Володи отдать сына в реальное училище, где он будет содержаться государством на полном пансионе. Но отец не пожелал терять доход от выступлений сына.

Уже взрослым человеком Владимир Зубрицкий вспоминал, как по ночам его мучили кошмары, и он, ненавидя цирк, бунтовал и несколько раз пытался убежать из дома. В начале Первой мировой войны отец был отправлен на фронт, выступления прекратились, и цирковая карьера мальчика навсегда закончилась. В 13 лет он записался добровольцем в красноармейский батальон, потом служил разведчиком на бронепоезде, был ранен в голову, вылечился и стал моряком. Участвовал в Великой Отечественной войне, имел боевые награды, дослужился до звания капитана 3-го ранга. Редкая память помогала ему на службе, но гениальность, отличавшая его в детстве, исчезла. Иногда он рассказывал сослуживцам о грандиозном успехе своих знаменитых цирковых выступлений. Ему не верили.*

Но цирковая изнанка все же приоткрылась однажды Ю. К. Он влюбился в девочку-акробатку. Та пронзительная история с мельчайшими подробностями архивировалась в его памяти.

«Это было трио: двое мужчин и девушка, – рассказывал он. – Да нет, не двое мужчин, а два мальчика, и не девушка, а девочка. Вот они крутят передо мной сальто. Вот же они, вот! Да вот же, неужели не видите? Никто не видит! Вижу только я, и вижу в том несуществующем пространстве, которое клубится перед моими глазами и называется память.

Крутя сальто, девочка превращалась в видение, ошеломлявшее меня, хотя ничего особенного в это время с ней не происходило, кроме того, что она крутила сальто и у нее развевались волосы: я был тогда всего лишь мальчиком и не представлял себе, что для любви нужно свершение более грандиозных вещей, чем просто развевающиеся волосы <...> Если бы не разлетались ее волосы, то, может быть, и не влюбился бы. Если бы не разметались волосы и если бы белые замшевые башмаки так не выделялись, то на песке, то в воздухе, то в круге сальто... Никто не знал, что я влюблен в девочку-акробатку, тем не менее мне становилось стыдно, когда она выбегала на арену. Как она была одета? Не помню. Помню только белые замшевые ботинки, твердо, как на детях, надетые и застегнутые по боку белыми же круглыми

* Сведения из статьи: Черненко Г. Феномен Володи Зубрицкого // Техника – молодежи, 2014, № 2, с. 40-43.

пуговицами, и помню только разлетающиеся волосы. Я, возможно, и сам не знал, что я влюблен. Мне было только стыдно, – причем стыдно за нее, стыдно, что она именно такая – вызывающая во мне приятное, незнакомо приятное чувство».

Но вот однажды осыпаемый, как часто бывало, предцирковым снегом, он подошел к артистическому кафе, откуда вышли трое молодых людей. В двух из них он узнал акробатов, работавших с девочкой. Третий был «с некрасивым лицом и в кепке; невысокого роста, какой-то жалкий на вид, нездоровый, с широким ртом молодой человек. Он сплюнул, как плюют самоуверенные, но содержимые в загоне товарищами молодые люди – длинным плевком со звуком – сквозь зубы». Ю. К. решил, что он – товарищ партнеров девочки, но вдруг, к своему ужасу, узнал в нем ее:

«Этот третий, неприятный, длинно и со звуком сплюнувший, был – она, – писал он. – Его переодевали девочкой, разлетающиеся волосы был, следовательно, парик. Однако я до сих пор влюблен в девочку-акробатку, и до сих пор, когда я вижу в воспоминании разлетающиеся волосы, меня охватывает некий стыд».

И, конечно же, он вспоминал свою «девочку-акробатку», когда писал в 1917 году сонет «В цирке»:

Как ей идет зеленое трико!
Она стройна, изящна, светлокудра...
Allez! Галоп! Все высчитано мудро,
И белый круг ей разорвать легко...

И уж, конечно, во многом с нее срисовывался образ циркачки Суок – «самой лучшей актрисы в мире»: «...холщовая створка приподнялась, и оттуда выглянула девочка, чуть наклонив голову с растрепанными кудрями. Она смотрела на доктора серыми глазами, немного снизу, внимательно и лукаво <...> это была кукла наследника Тутти!»

Иерусалим

Окончание следует